

КОНФИГУРИРОВАНИЕ ТЕКСТУАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ В ПРАКТИКАХ ИНТРЕПРЕТАЦИИ

Черемных Е.

Черемних К. Конфігурування текстуальної конструкції життя в практиках інтерпретації

Життя як текстуальний процес розглянуто мовою комунікації. Запропоновано розуміння комунікації як практики самоконфігурування смислових зв'язків в ході здійснення таких інтертекстуальних процесів як відправник та адресат. Проведено розрізнення змісту категорій «повідомлення» і «текст» в комунікаційному процесі. Показано, що актуальна конфігурація текстуальної конструкції життя оформлюється в практиках інтерпретації. Рівні інтерпретаційного процесу, які виокремлюються в межах семиотики тексту, реконтекстуалізовано в психологічну перспективу та розглянуто як складові процесу текстуального життєконструювання.

Ключові слова: комунікація, повідомлення, текст, інтертекстуальна взаємодія, інтерпретація, рівні інтерпретації, конфігурування смислових зв'язків, текстуальна конструкція життя.

Черемных Е. Конфигурирование текстуальной конструкции жизни в практиках интерпретации

Текстуальный процесс жизни рассмотрен в терминах коммуникации. Предложено понимание коммуникации как практики самоконфигурирования смысловых связей в ходе осуществления таких интертекстуальных процессов, как отправитель и адресат. Проведено различение содержания категорий «сообщение» и «текст» в коммуникационном процессе. Показано, что актуальная конфигурация текстуальной конструкции жизни оформляется в практиках интерпретации. Уровни интерпретационного процесса, выделяемые в рамках семиотики текста, реконтекстуализированы в психологическую перспективу и рассмотрены как составляющие процесса текстуального конструирования жизни.

Ключевые слова: коммуникация, сообщение, текст, интертекстуальное взаимодействие, интерпретация, уровни интерпретации, конфигурирование смысловых связей, текстуальная конструкция жизни.

Cheremnykh K. Textual life construction configuring in the interpretation practices

Life as a textual process is treated in terms of communication. Communication is identified as a practice of autoconfiguration of semantic relations which unfolds in the course of inter-textual processes of sender and target. «Message» and «text» are distinguished as communicational categories. It is shown that the actual configuration of the textual life-construction is

arranged in practices of interpretation. Semiotic levels of interpretational process are recontextualized in the psychological perspective and are treated as components of textual life-design.

Key words: *communication, message, text, intertextual variation, interpretation, levels of interpretation, configuration of semantic relations, textual construction of life.*

Проблема. Основным следствием лингвистического поворота для методологии социогумантарных наук справедливо считать смещение исследовательского фокуса с онтологично заданных сущностей на самоконфигурирующиеся коммуникационные процессы, с текстуального продукта на практики текстопроизводства. Говоря о жизни как текстуальном процессе, под такими практиками мы будем понимать, в первую очередь, практики интерпретации, поскольку фокус на последних позволяет преодолеть в корне субъект-объектную оппозицию письма и чтения. Рассмотрение письма как оформления собственного прочтения в ситуативно новых смысловых связях, т. е. произвольного результата чтения («филологического») усилия, направленного на актуализацию смысла некоего внешнего текста, «вслушивания» в собеседника) выводит анализ текстуального конструирования жизни из поля вопросов жизнетворчества (авторства, произведения, замысла), перемещая его в пространство коммуникации (диалога, допущения, поиска общего языка). Именно «побочным продуктом» интерпретации как практики варьирования смысловых связей житнетекста будет непрерывно оказываться актуальная конфигурация текстуальной конструкции жизни. Иными словами вопрос текстуального жизнеструктурирования звучит как вопрос о том, как мы читаем тексты нашей жизни, и что определяет границы нашей интерпретации при чтении.

«Границы моей речи указывают на границы моего Мира» [1, 105]. Мы уже косвенно обращались к вопросу пределов интерпретации, определяя в качестве интегрального параметра текстуального жизнеструктурирования его открытость (диалогичность) – введение в текст жизни собеседника как организующего принципа. Такую открытость мы связывали с ацентрированностью исходной текстуальной организации, преодолением суггестии ее повествовательных линий, «приостановкой недоверия» неизвестному, богатством интерпретационного кода, а также с иронией и игрой как инструментами деабсолютизации смысловых связей презентованных линейной манифестацией текста. При этом практику репродукции (ре-презентации) фиксированной текстуальной структуры в закрытом тексте мы интерпретировали как стагнацию текстуального процесса жизни, когда не происходит текстопроизводства ни в понимании письма, ни в понимании чтения.

В данной статье мы задаемся целью последовательно определить возможные организационные уровни процесса интерпретации как коммуникационной практики жизнеконструирования, опираясь на аналогичную модель в семиотике текста.

Итак, мы исходим из того, что, интерпретация есть коммуникационная практика, которая «пробуждает к жизни» читателя-соавтора (скриптора), совершающего со-акт поиска в диалоге с идеальным собеседником. Человек инициирует процесс жизнеконструирования в своём устремлении к пониманию: интерпретирует ткань текущего опыта, считывает жизнь, как некий входящий, кому-то приписываемый текст, включая его в игру варьирования смысловых связей внутри языка, заданного уже присвоенными им текстами опыта и культуры. В результате взаимодействия наличных текстов с входящими текстами происходит реорганизация исходных смысловых связей, переконфигурирование актуальной текстуальной конструкции жизни, что и составляет практику письма житнетекста.

Поскольку мы представили жизнь как диалог и задались вопросом о возможных уровнях интерпретационного процесса в его рамках необходимо определиться с тем, что мы будем понимать под коммуникацией.

Прежде всего, хотелось бы дистанцироваться от стандартной модели коммуникации, предлагаемой теорией информации, в качестве исчерпывающей. Речь идет о модели «*отправитель – сообщение – адресат*», где предполагается, что сообщение *порождается*, а позже *интерпретируется*, исходя из определенного *кода*, общего для отправителя и адресата. При попытке минимального учета контекста порождения и контекста интерпретации представление о кристально ясном текстовом объекте (едином сообщении) оказывается проблематизированным.

Теория семиотики У. Эко [4] предлагает альтернативную модель, которая различает план выражения и план содержания сообщения и помещая процесс перевода одного в другой в центр семантико-прагматического процесса (рис. 1)³.

Если принимать во внимание только центральную (горизонтальную осевую) часть приведенной схемы (рис. 2), то становится очевидным, что в рамках коммуникационного процесса мы имеем дело не с одним, а с двумя текстовыми пространствами (сообщениями 1 и 2), переход между которыми – интерпретация – воплощается в фигуре адресата и является ключевой составляющей коммуникации.

³ Эко У. Роль читателя. Исследование по семиотике текста. – СПб.: Симпозиум, 2007. – С. 16.

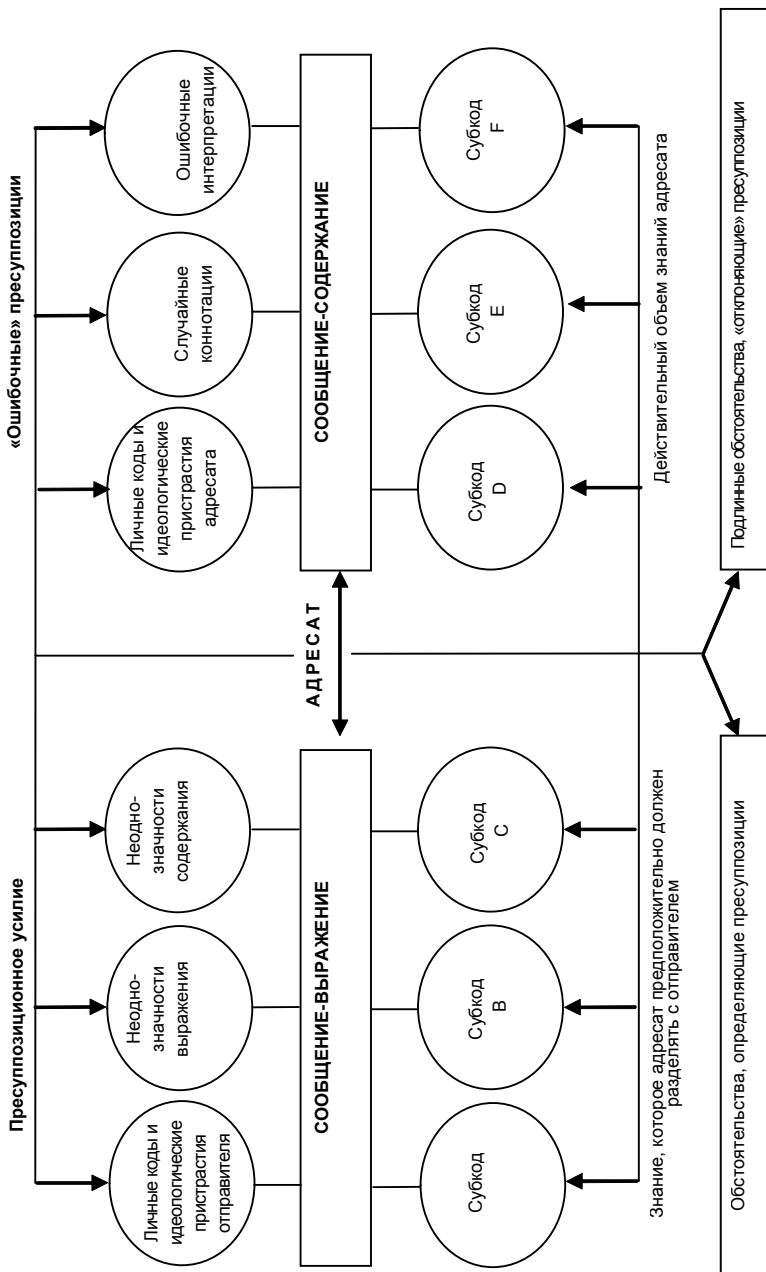

Рис. 1 Модель коммуникационного процесса по У. Эко

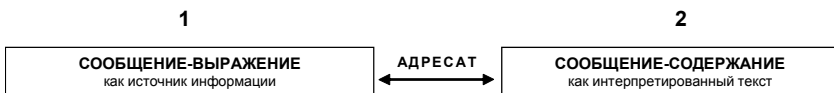

Рис. 2 Модель коммуникационного процесса по У. Эко (фрагмент)

Применительно к текстуальному жизнеконструированию сообщением-выражением будет любой обративший на себя «интерпретационное внимание» жизненный материал⁴, а сообщением-содержанием – его нарративизация, т. е. текст ситуации как человек ее прочел (или же текст ситуации, как человек его написал). Адресат, соответственно, представляет собой процесс осмысления – перевода предлагаемых жизненных материалов в семантические конструкции.

Предложенное Эко графическое представление как нельзя более наглядно иллюстрирует преодоление субъект-объектной оппозиции на уровне жизни и ее субъекта: жизнь и адресат (личность) здесь оказываются одним и тем же процессом понимания – самоконфигурирования отклика текстуальной конструкции в процессе интертекстуального взаимодействия.

Однако все ли наши отклики рефлексированы и нарративизируются? Все ли интерпретационные рамки прозрачны ("видимы") для самого интерпретатора?

Представим обычную межличностную коммуникацию. К примеру, диалог сознательной, но уставшей матери (сдерживающего раздражение отправителя) с капризничаящим ребенком (несклонным внимать аргументам адресатом). В описанной ситуации то, что отправит отправитель, скорее всего, будет выходить за рамки сообщения, которое он задумает. Даже, если вербальное выражение получит только соответствующий текст, наряду с ним будут «отправлены» тексты интонации, мимики, пантомимики и т. д. В свою очередь, то, что получит адресат, не будет исчерпываться тем сообщением, к которому он сведет услышанное и с которым будет связана его реакция. Хотя во многих ситуациях «прорыв» в коммуникацию дополнительных текстов и «блокирование» текстов услышанных будут проявлять себя менее ярко, по сути, любая коммуникация не является полностью «очищенной» от нерелевантных интертекстуальных операций. Это происходит оттого, что многие из интерпретационных рамок и организационных прин-

⁴Таковой материал станет событием, ситуацией, опытом и, собственно жизнью лишь будучи означенным в языке интерпретатора, приобретя текстовую форму.

ципов языков культуры и опыта отправителя и адресата, представленные соответствующими текстами, разворачиваются в коммуникации инкогнито, диктуя интерпретатору правила чтения.

Таким образом, в реальной коммуникации план выражения (отправленный текст) всегда будет, в той или иной мере, выходить за рамки задуманного сообщения, а план содержания (входящий текст) будет не только отклоняться от плана выражения, но и не будет исчерпываться коннотациями, рефлекслируемыми как полученное сообщение.

Различая сообщение и текст в коммуникационном процессе, мы опираемся на следующее уточнение автора исходной схемы: «сообщение (в той мере, в какой оно воспринимается адресатом и превращается в содержание некоего выражения) становится не более чем пустой формой, в которую могут быть вложены различные смыслы <...> то, что называется «сообщением», обычно представляет собой некий текст, т. е. целый комплекс различных сообщений, закодированных различными кодами и функционирующих на различных уровнях означивания (signification)» [3, 14-15].

Описанное различие можно представить графически (рис. 3):

Рис. 3 Модель коммуникационного процесса по У. Эко (фрагмент с изменениями)

Отправитель и адресат представлены на данной схеме как текстуальные, (а точнее интертекстуальные) процессы – непрекращающиеся взаимодействия текстов разного уровня и варьирования смысловых связей в рамках этих взаимодействий. Под текстами разного уровня мы здесь полагаем все те интерпретационные контуры, которые на схеме Эко (см. рис. 1) вовлечены в конструирование сообщения-выражения и сообщения-содержания соответственно, т. е. тексты, задающие личные и идеологические пристрастия, предположения относительно собеседника, обстоятельства составляющие ситуацию коммуникации и системы применяемых кодов и субкодов. Четыре обозначенных текстовых пространства, в свою очередь, являются «моментальными сним-

ками» разных стадий процесса коммуникации – разных состояний условных «текстовых территорий» отправителя адресата⁵. Их выделение из общего процесса весьма условно, а рассмотрение вне конкретной коммуникации возможно ровно настолько, насколько мы можем себе представить текст, написанный и прочитанный никем. Любая даже самая «бесстрастная» субстанциализация данных текстов будет интерпретацией читателя, эту субстанциализацию осуществляющего и адресующего кому-то их авторство. Вне коммуникации они замирают как абстрактные языковые множества – банки оболочек потенциальных смыслов.

В ходе конфигурирования текстуальной конструкции жизни возможные уровни интерпретации будут разворачиваться «на территории» адресата. Соответственно, нас будут интересовать переходы от отправленного текста к входящему и от входящего текста к полученному сообщению (см. рис 3). Различение входящего текста и полученного сообщения позволяет нам обратить внимание на существование двух типов интерпретационных процедур. В рамках первых, которые можно условно назвать открывающими процесс семиозиса или смыслоизвлекающими, происходит, собственно, чтение – адресат допускает входящий текст ко взаимодействию с текстами составляющими его интерпретационные контуры, что и оказывается причиной изменения конфигурации смысловых связей. Вторые – закрывающие, фиксирующие, прерывающие семиозис – разворачиваются как осуществление власти наличных текстов, сводя прочтение входящего текста к голографическому воспроизводству правил их организации. В этом случае можно сказать, что текст читает читателя.

"Территория отправителя» также будет включена в анализ интерпретации. В связи с тем, что авторство житнетекста интерпретатор может делегировать самым разным собеседникам, мы намеренно оставляем открытым вопрос об «истинном» содержании, генезисе и принадлежности «входящего текста» и, тем более, о текстуальном процессе его автора и пропозициональных установках последнего. Вместе с тем, независимо от того, помещает ли интерпретатор входящий текст в контекст «предписания» или «экзистенциального вызова», «объективного» события, или «пустого», «открытого» знака, подобный контекст будет текстом адресата об отправителе и ситуации высказывания, т. е.

⁵ Как будет показано ниже, степень расхождений соответствующих четырёх текстов определяется не столько отличием кодов применяемых собеседниками на разных уровнях, сколько способами организации и применения таких кодов – моделями интерпретации, задающими участников диалога.

будет представлять собой один из уровней интерпретации, участвующий в амальгамировании смысла наряду с другими. В виду присутствия в текстуальном пространстве адресата отправитель как интертекстуальный процесс будет не лишен и нашего внимания.

Таким образом, любое событие жизни происходит лишь постольку, поскольку означается, включаясь в игру смысловых связей в рамках доступных интерпретатору языков и текстов разного масштаба, продлевая ее (игры) движение, приобретая в ней свои звучания, содержания, значения. Говоря об уровнях интерпретации как практики жизнеконструирования, мы будем подразумевать под такими уровнями именно масштабы организации языка конфигурирования жизни – от элементарного состава базового словаря, до текстов, вовлеченных в текстуальную конструкцию мира.

Стоит также оговориться о том, что способы взаимодействия уровней текста, о которых пойдет речь (как с точки зрения согласованности презентованных в них содержаний, так и в свете вопроса об очередности их применения в качестве интерпретационных контуров), составляют самостоятельное измерение анализа интерпретационных моделей и полагаются как изначально свободные от линейных иерархических принципов организации. Интерпретационные практики конфигурирования текстуальной конструкции жизни протекают как последовательность взаимоотнословенных переходов между возможными уровнями в обоих направлениях. «Творческое сотрудничество читателя-интерпретатора на более низких уровнях может быть успешным лишь потому, что еще прежде у него возникают гипотезы относительно более высоких уровней – и наоборот, <...> нередко автор принимает решение, затрагивающее глубинную семантическую структуру всего текста (of his story), только и именно в тот момент, когда он делает некий выбор на уровне лексики, предпочитая, по чисто стилистическим причинам, одно выражение другому» [3, 30].

Именно свобода вызванных коммуникацией текстуальных переходов и определяет интерпретацию как процесс неограниченного семиозиса – нефинальную практику понимания. В противном случае мы говорим о том, что имеет место «закрывание» житнетекста (ограничение текстуального процесса, фиксация текстуальной структуры) и «выпадение» интерпретатора из коммуникации (прерывание интерпретатора как практики) вследствие осуществления власти (захвата и удержания центра) неким внекоммуникационным однозначным текстом.

Для концептуализации интерпретационного процесса в нашем понимании более всего подходит метафора одномоментного столкнове-

ния множества сложно, но подвижно организованных конструкций. В качестве примера такого столкновения может быть приведен химический процесс, вызванный вливанием нового реактива в сосуд, уже содержащий большое количество соединений разной сложности, пребывающих на какой-то стадии реагирования. Каждая предыдущая реакция предопределяет агентов следующей (образование тех или иных веществ, их количество, агрессивность) и, собственно, то, что на данный момент находится в сосуде – актуальную конфигурацию связей.

Рассмотрим уровни интерпретационного процесса, как говорит о них семиотика текста, и попытаемся прочесть их как уровни текстуального жизнеконструирования. Опираясь на модель Яноша Петерфи TeSWeST [5] и заимствуя некоторые элементы и идеи А. Греймаса и Т. А. ван Дейка, Эко выделяет десять компонентов интерпретации (уровней организации текста) (рис. 4) [3, 31]. Данная схема презентует нам три макроблока, которые в свою очередь, раскладываются на более дифференцированные составляющие.

В центре мы видим макроблок представленный одной единственной составляющей, с которой очевидно начинается любой интерпретационный процесс – само выражение (3), подлежащее интерпретации. Это именно оно выше (см. рис. 3) получило название «входящего текста» или «плана выражения». Мы уже оговорили, что не ставим вопрос о его «действительном» содержании, поскольку такое содержание немислимо вне чьей-нибудь семантической системы. Выражение интересует нас лишь как повод для интерпретационного усилия – жизненный материал, вызывающий на себя актуализацию различного уровня текстов и продолжающий их игру.

Выражение станет событием, состоится как опыт, лишь, означившись в системе *кодов и субкодов* (1), доступных интерпретатору и включившись в игру взаимодействия «откликнувшихся» на него текстов. Наиболее непосредственно связанным с ситуацией коммуникации из таких текстов окажется текст об *обстоятельствах высказывания* (2). Уровень обстоятельств и уровень кодов вместе образуют второй – условно досодержательный – макроблок предлагаемой схемы. Строго говоря, они и составляют ткань интерпретируемого выражения – как выражения чьего-то и выражения какого-то.

Мы уже косвенно упоминали об уровне *обстоятельств высказывания* (речевого акта, предложения, произнесения), уточняя, что «территория отправителя» (см. рис. 3) в качестве текста о нем адресата будет включена в число рассматриваемых нами интерпретационных контуров. Применительно к текстуальному жизнеконструированию этот уро-

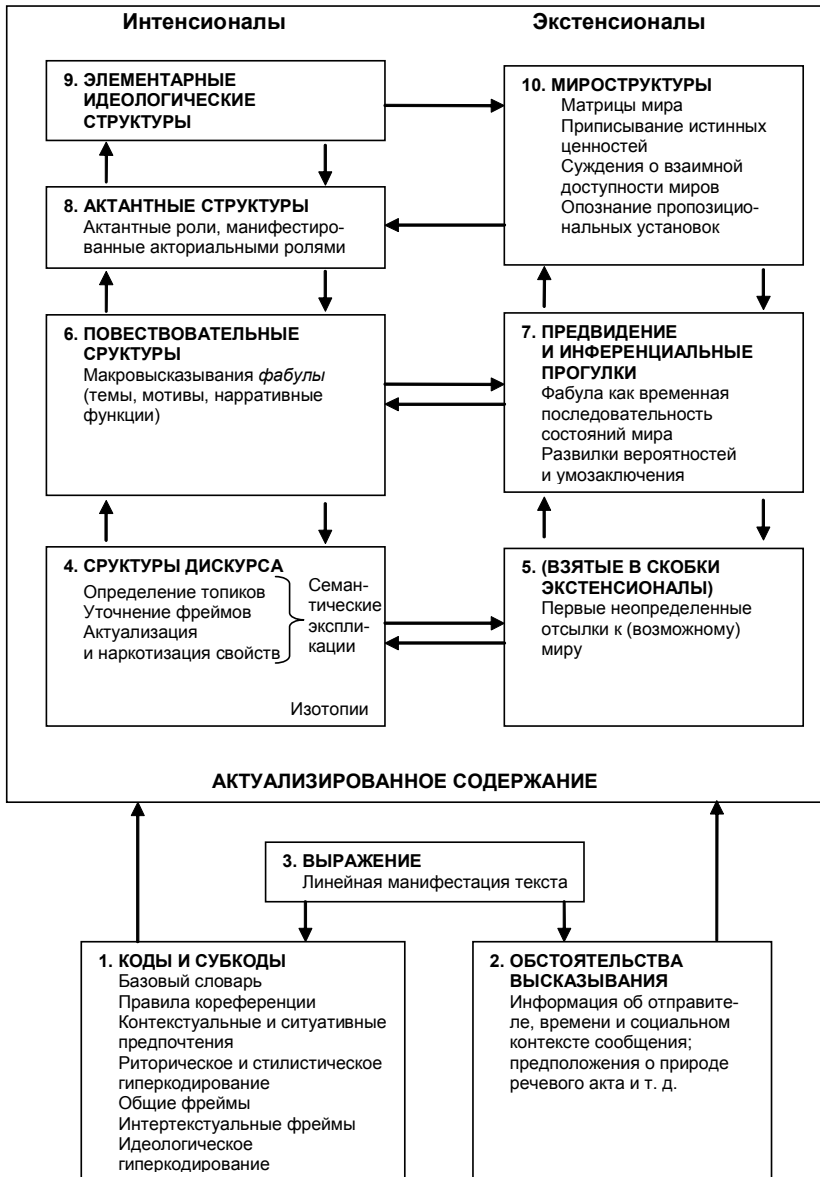

Рис.4. Уровни интерпретационного процесса по У. Эко

вень будет нас интересовать как задающий актуальную метафору коммуникации, в рамках которой происходит интерпретация жизни. Именно здесь разворачивается текст об отправителе, ситуации коммуникации и, что имеет наибольшее значение, о природе (здесь – модальности) речевого акта.

Напомним, что высказывания как речевые акты содержат пропозициональную и модальную часть. Это разделение наиболее очевидным образом реализуется в грамматической структуре предложения (повествовательной, вопросительной, побудительной). Несмотря на то, что большинство встречаемых нами предложений конструируются как повествовательные, значение речевого акта никогда не исчерпывается его пропозицией. От жесткого разведения высказываний на констатативы и перформативы отказался даже сам автор соответствующих терминов Дж. Остин [2]. Любая произнесенная вслух констатация уже в самой своей обращенности на собеседника содержит в себе некую коммуникационную цель – является перформативным высказыванием. Учитывая более тонкие, по сравнению с грамматикой, признаки, мы различаем обещания, угрозы, запреты, возгласы, оскорбления, похвалы, просьбы, вопросы, требования или не до конца определённые умыслы.

Соотношение пропозиции и модальности в конструируемом интерпретатором выражении напрямую связано с интегральной метафорой коммуникации, расстановкой ролей внутри нее, а также – с дальнейшим ходом интерпретации. Пропозиция – это содержание выражения, требующее понимания, в то время как модальность – это действие, отношение требующее комплиментарного ответа.

Даже самое прямое словесное воздействие может содержать для интерпретатора предполагающую извлечение пропозицию – требовать от него понимания собеседника и поиска путей взаимопонимания, что повлечет за собой развернутые интертекстуальные семантические экспликации и открытие новых смыслов. С другой стороны, считав тот или иной элемент житнетекста как более простое по своей структуре модальное высказывание – вопрос, указание, пожелание, – интерпретатор форсирует интертекстуальный процесс и занимает относительно «однозначного» содержания сообщения позицию критика, сверяя его с истиной или ложью, выполнимостью или невыполнимостью, искренностью или враньем. Если предполагаемая адресатом цель высказывания помещает его в ситуацию намеренного воздействия на его сознание, поведение или на актуальные обстоятельства, такое высказывание и содержащееся в нем воздействие подвергается оценке с последующим принятием или отвержением. Адресат вступает с отправителем в

определенные (читай заданные знакомыми ему (адресату) текстами) *отношения*.

По словам Эко, в этом последнем случае адресат будет «переключаться» с уровня *обстоятельств высказывания* (2) на уровень *мироструктур* (10) и уже после, «в зависимости от сложности текста и от изощренности адресата <...> могут быть задействованы другие уровни» [3, 30].

Очевидно, что при такой «ускоренной» и в то же время иерархизированной интерпретации вряд ли приходится говорить о развернутом переконфигурировании смысловых связей и текстуальном жизнеконструировании (чтении и письме житетекста) – скорее, имеет место воспроизводство наличной текстуальной структуры (10) на разных уровнях и вписывании происходящего в ее рамки. Казалось бы, относительно элементарных выражений (не требующих осмысления фрагментов жизни) такая «ускоренная перемотка» может быть вполне оправданной и даже необходимой, однако и здесь возникает ряд вопросов, главный из которых упирается в то, откуда (из какого текста) адресат позаимствовал цель обращенного к нему высказывания и соответствующую собственную роль, и что было первичным – простота выражения в виду его модальности, либо же приписывание модальности с последующим конструированием выражения как простого. Иначе говоря, не осуществилась ли суггестия текста мироструктуры еще до появления самого выражения (вне коммуникации), не оказалось ли выражение в результате монологичным и могло ли с интерпретатором прозойти что-либо за рамками соответствующего текста.

Помимо вопроса о том, откуда берется вывод о природе речевого акта, также возможен к постановке вопрос о том, куда девается все то содержание, которое не вписалось в наличную текстуальную структуру (10). И оба эти вопроса в равной степени, приглашают нас в пространство диалога семиотики и психоанализа – столь обширное и динамичное, что в рамках данной статьи мы можем позволить себе о нем лишь упомянуть.

Еще одним существенным моментом, связанным с обсуждаемым уровнем (2) является то, что в его рамках осуществляется отсылка к самому акту высказывания, принимающая форму метатекста о том, что есть некто, кто «высказывает/высказал (utters/uttered) текст, который я сейчас читаю, и который просит [меня] совершить акт приостановки недоверия, поскольку он говорит/говорил о некотором возможном ходе событий» [3, 34]. Именно этот зазор, буфер допущения, между линейной манифестацией текста и вынесением оценки относительно его правдоподобности \ искренности и открывает возможность для чтения и письма

как понимания – выхода за рамки смысловых связей наличных текстов. И именно это (открывающееся в своей возможности в связи с приостановкой недоверия) содержание житнетекста «пролистывается» в случае конструирования выражения как простого модального и перевода жизненного диалога в «выяснение отношений» Я и Ты.

Второй компонент условно «досодержательного» макроблока схемы – уровень *кодов и субкодов* (1), распадается, в свою очередь, на коды разного масштаба, все из которых берут свое начало в *базовом словаре*.

Под *базовым словарем* Эко понимает собственно словарный запас (лексикон) читателя-интерпретатора. Прибегая к словарю, читатель осуществляет предварительное амальгамирование смысла на уровне общих понятий, участвующих в выражении, не зная еще какие из потенциальных свойств каждого понятия будут актуализированы в дальнейшем тексте, т.е. не определившись с *контекстуальными предпочтениями значений*. Эти общие понятия после увязываются между собой в пробные ко-текстуальные отношения (в рамках установки правил *ко-референции*).

Исходя из отсутствия доступа к «исходному», «объективному» содержанию выражения элементов житнетекста, можно было бы предположить, что его чтение-означение, в отличие от «опознания» понятий при чтении текста в семиотической перспективе (т. е. постепенного углубления в содержание, передаваемое набором печатных символов), будет происходить сразу в контекстуальной форме, минуя словарную. Однако может ли с человеком произойти событие, понятие о котором отсутствует в его языке (или подавлено конкурирующим значением происходящего из другого словаря). Достаточно представить себе происходящее во время корриды глазами борца за права животных, не отягощенного знаниями о данной культурной традиции (не имеющего понятия «коррида» в своем словаре), чтобы ощутить, насколько буквально (в отличие от метафоры) язык и текст конструируют жизнь и ее осмысленность, и насколько открытость другому значению зависит от лексикона.

Словарный запас задает нам исходный масштаб кода интерпретации, определяя, будет ли родовым понятием «убийство» или «коррида». Он указывает на разработанность понятийного конструктора и сложность потенциальных конструкций. При этом сама идея вывести общее для всех возможных контекстов употребления родовое определение в корне утопична, потому «словарные» значения всегда в той или иной степени представляют собой доминирование одного контекстуального значения над другими. По словам Эко, словарь «стремится быть родовидовой моноиерархией («Порфириевым деревом»), но это у него (у словаря) все равно не получается, так как в нем нет возможности выражать необходимые различия между терминами» [3, 473].

В связи с последним в рамках теории семиотики Эко наряду со «словарем» рассматривается еще один формат фиксации имеющихся у общества знаний (мнений) о значении употребляемых в этом обществе знаков (прежде всего – слов и построенных из них выражений) – формат «Энциклопедии». В отличие от словаря энциклопедия «должна давать сведения о поведении определяемого выражения в разных контекстах и при разных обстоятельствах», она «с самого начала строится как сеть, в которой любые единицы могут быть связаны с любыми другими» [там же]. Способность прочесть одно и то же выражение в различных (в идеале – во всех существующих) контекстах и ситуациях, присваивая ему диктованные контекстами и ситуациями значения, составляет, т. н. *энциклопедическую компетенцию* читателя и требует от него каждый раз распознавания семиотической системы (языка), в котором выражение должно быть прочитано, т. е. осуществления *контекстуальных и ситуативных* предпочтений.

Говоря о конструировании жизни, мы делаем упор на формате энциклопедии не только потому, что этот формат открывает интерпретатору доступ к гораздо более широкому спектру событий и смыслов, но и в виду его связи с *приостановкой недоверия и откладыванием на будущее оценки*, необходимыми для самого процесса чтения. Привычка интерпретатора оперировать множественными значениями понятий, допущение того, что выражение может принимать отличные от очевидных значения приводит к тому, что он автоматически «резервирует место» под «возможное иное» как в аксиологическом так и в денотативном смыслах. Энциклопедия как нелинейный способ организации содержаний обеспечивает их выход к той самой «территории возможности» или же к «возможному миру», на которые расширяется наше жизненное пространство в процессе чтения. Очевидность невозможности овладеть всем культурным содержанием необходимо требует держать пустыми пару страниц для каждой энциклопедической статьи. На этих страницах и пишется наша жизнь.

Риторическое и стилистическое гиперкодирование позволяют интерпретатору прочесть данное выражение (будь то отдельное слово, предложение или целый фрагмент текста) как риторическое и избежать его наивного денотативного прочтения [3, 39-40]. Они возможны благодаря своеобразному словарю иносказаний, имеющемуся в распоряжении у интерпретатора. С этим подуровнем мы будем связывать метафору, (само)иронию, жанровую игру и прочие приемы деабсолютизации линейной манифестации текста, перемещающие интерпретацию жизни в систему дистанцированных от интерпретатора правил прочте-

ния. Этот интерпретационный механизм интересен тем, что он работает как своеобразный предохранитель от пафоса линейного звучания – удерживает человека-читателя жизни от перехода в позицию героя путем «столкновения» происходящего с текстами не поглощенными происходящим (не принадлежащими территории жизни скриптора).

В ходе *идеологического гиперкодирования*, напортив, происходит помещение любого входящего текста вовнутрь жизненного пространства скриптора через «растягивание» ткани текста по осям ценностных оппозиций это пространство организующих. Именно множество таких оппозиций и понимается под идеологическими субкодами. И, как мы увидим ниже, обсуждая уровень *элементарных идеологических структур* (9), эти субкоды предопределяют идеологические установки приписываемые автору-отправителю, степень согласия с ним (конфронтационность коммуникации), как следствие – уровень критичной заинтересованности в его аргументах (актуализированность идеологического уровня) и то содержание, которое в результате будет извлечено из данного конкретного выражения.

Сопоставляя этот подуровень с теми, что описаны выше, мы можем отметить, что его актуализация связана с распознаением речевого акта как простого модального, переходом в формат применения словарных (единичных) значений и с закрыванием возможности привлечения внеситуационных текстов («отсеканием» риторических и стилистических приемов).

Уровень кодов и субкодов (1) содержит в себе также подуровни *общих и интертекстуальных фреймов*, которые представляют собой «базы данных» стереотипных представлений о разного рода ситуациях, характерных для данной культуры в целом и правила прочтения ситуации (литературные топосы, нарративные схемы), заимствованные из конкретных текстов соответственно.

Применение *общего фрейма* позволяет интерпретатору воссоздать одноименную ситуацию во всех деталях – последовательностях событий, поступках, объектах, личностях, свойствах, фактах, отношениях, не упоминаемых, но латентно содержащихся в интерпретируемом выражении. Так, читая «экзамен», мы оказываемся в ситуации предполагающей тестовое задание, ограниченное время, нормативно заданное содержание ответа, конкурентную среду, квантифицированный уровень компетентности, человека, осуществляющего оценку, и т. д. Таким образом, фрейм (в нашем случае – «экзамен») – это свернутый текст «концентрат повествования».

Применительно к интерпретации жизни уровень общих фреймов, в большинстве случаев, разворачивается как «невидимый», само со-

бою понимающийся текст-канва ситуации. Он проявляется, лишь тогда, когда ситуационный стереотип сталкивается с осязательным отклонением в содержании выражения. В этом случае интерпретатор либо переклассифицируется на уровень мироструктур (10), либо допускает существование иных правил и иных значений и продолжает чтение в надежде извлечь их из дальнейшего текста. Общие фреймы фиксируют объемы понятий-ситуаций в родовом виде и в этом смысле сопоставимы с форматом словаря и могут быть описаны как в терминах богатства словарного запаса, так и в связи с открытостью этого запаса к переходу в формат энциклопедии.

Интертекстуальные фреймы нагружают на себя ту же функцию, что и риторическое гиперкодирование – «разыгрывают» актуальную жизненную ситуацию по правилам заведомо внешнего по отношению к ней текста и позволяют интерпретатору разотождествиться с героем. Словарь интертекстуальных фреймов интерпретатора состоит как из узнаваемых им топосов (устойчивых литературных метатем), так и конкретных текстов, к которым его может отослать ситуация жизни. Нет необходимости подробно останавливаться на том, какое значение для данного подуровня интерпретации имеет практика чтения художественного текста во всевозможных формах.

Отдельного обсуждения требует разворачивание подуровня интертекстуальных фреймов в случае интерпретационной модели, которую мы можем назвать «фанатской». Имеется в виду модель, в рамках которой некий «канонический» текст целиком во всех своих связях фиксируется и помещается на уровень *мироструктур* (10). В этом случае интертекстуальное прочтение теряет свою риторическую, дистанцирующую функцию и приобретает характер буквального содержания в рамках идеологической структуры.

Резюмируя сказанное об *уровне кодов и субкодов* (1), можем сказать, что этот уровень представляет собой конструктор языка интерпретатора во всем многообразии деталей разного размера, которые могут быть потенциально задействованы в различного рода интерпретационных операциях и определяют возможность тех или иных операций, поскольку задают границы возможной мироструктуры. Интерпретационные операции приведены в третьем макроблоке обсуждаемой схемы (см. рис. 4) – в макроблоке, отвечающем за актуализированное содержание.

Несмотря на то, что макроблок актуализированного содержания представлен наибольшим количеством компонентов, его обсуждение не потребует от нас больших усилий и развернутых описаний, поскольку мы, так или иначе, уже затронули каждую из операций, о которых

пойдет речь, и теперь лишь эксплицируем их в качестве отдельных уровней.

Как мы помним, сам процесс осуществления интерпретационных операций возможен благодаря задержке между конструированием линейной манифестации выражения и оценкой правдоподобности (искренности) высказывания. Эта задержка является результатом операции приостановки недоверия, *которая представлена не только в рамках уровня обстоятельств высказывания (2), но и отдельным уровнем взятых в скобки экстенционалов (5).*

Мы видим, что третий макроблок схемы (см. рис. 4) условно разделен на компоненты, относимые к экстенционалам и интенционалам⁶. Таким образом, интерпретационные операции представляют собой два параллельных вертикальных канала, двусторонне связанные по горизонтали на каждом уровне. Исключение составляет лишь уровень мироструктуры (10), которому соответствует не один, а два интенциональных блока, взаимодействие каждого из которых с экстенциональным эквивалентом осуществляется лишь в одном направлении, но об этом ниже.

Вернемся к блоку *взятых в скобки экстенционалов (5)*. Под экстенционалами здесь понимаются основные наиболее общие категории (организующие принципы, правила) актуальной текстуальной конструкции жизни. «Взятие в скобки» как интерпретационная процедура предполагает приостановку разворачивания текстов наличных в мире опыта интерпретатора и временное допущение существования незнакомого (предлагаемого к прочтению) текста, выходящего за их рамки, дальнейшее знакомство с которым позволит понять отличное происходящее. Эта операция – квинтэссенция интерпретации как чтения, она, собственно, и позволяет уйти от репродукции текста наличной мироструктуры и про-

⁶ Эти два термина отсылают к соответствующим подходам, применяемым при анализе выражения и практикуемым преимущественно в рамках логики естественных языков и семиотики повествования соответственно. Для наших целей будет достаточно указать, что под экстенционалом выражения мы будем понимать его объем (ширину) – совокупность объектов, им обозначаемых или попадающих под соответствующее понятие, а под интенционалом – его содержание (глубину) – сочетание признаков мыслимых под данным выражением или входящих в данное понятие. «Соответственно, экстенциональный подход – подход, основанный на сопоставлении экстенционалов, т. е. на рассмотрении фактического положения вещей; интенциональный – основанный на сопоставлении смыслов, т. е. на рассмотрении логико-семантических отношений между выражениями» [3, 464]. Именно «фактическое положение вещей» должно до поры до времени быть «взято в скобки», чтобы был прочитан-понят-написан некий «возможный мир», предлагаемый входящим текстом.

честь что-то новое в ситуации столкновения правил устройства мира интерпретатора с не вписывающимся в них содержанием выражения.

Взятие экстенсионалов в скобки открывает выход в зону неограниченной интерпретации – резервирует место и время под осуществление интенциональных операций игры с множественными значениями, которой соответствует уровень, получивший на схеме Эко название «*структуры дискурса*» (4). Он может быть также назван и уровнем *декодирования* линейной манифестации выражения, или уровнем *семантических экспликаций*. Именно на этом уровне предполагается применение всех тех словарей, которые составляют энциклопедию интерпретатора. Здесь элементарные понятия базового словаря, участвующие в выражении в своих первичных связях, наделяются контекстуальными и ситуационными значениями, примеряясь к жанровым и идеологическим гиперкодам, вписываясь в общие и интертекстуальные фреймы. В результате для каждого понятия происходит «проявление с увеличением» одних свойств (выделение их из общего числа латентно возможных свойств в качестве содержаний данного конкретного выражения) и временное «усыпления» (у Эко – «наркотизация») всех прочих возможных свойств. Соответствующие интерпретационные операции Эко и называет семантическими экспликациями.

В целом все операции выбора на этом уровне организуются в предполагаемую «о-чем-ность» («*aboutness*») [3, 48] рассматриваемого фрагмента текста – его *изотопию*. *Изотопия составляет* единый смысл, задаваемый семантическими предпочтениями, которые могут и должны быть приняты во внимание при чтении данного текста. Средством создания изотопии являются топики, подразумеваемые вопросы, ответом на которые будут являться интерпретированные выражения текста. Так, к примеру, топик «что я потерял?» и топик «что я теперь волен делать?» будут обуславливать совершенно различные схемы прочтения ситуации увольнения – актуализировать принципиально различные контекстуальные значения соответствующего понятия и извлекать разные смыслы.

Топик как смысл является наиболее «контактной» единицей жизнеконструирования. С одной стороны, он непосредственно контактирует с ситуацией означения опыта (топик – элемент входящего текста – т. е. менее опосредован (интертекстуальными) правилами написания целостного произведения, чем нарративная схема, которая в своей согласованности имеет большее отношение к рефлекслируемому входящему сообщению, (см. рис. 3)). С другой стороны, топик, благодаря своей укорененности в вопросительной форме, легко выявляет себя в контакте, направленном на реконструкцию и деконструкцию правил (смысловых иерархий) текстуаль-

ной конструкции мира. В качестве примера такого контакта может быть приведена любая психотерапевтическая коммуникация.

Уровень *предвидений и инференциальных прогулок* (7) составляет экстенционально-интенциональную пару с уровнем повествовательных *структур* (6). Эта пара отвечает за синтез возможной фабулы интерпретируемого текста – некоего читательского резюме, повествования о входящем тексте, представленного в форме одного или нескольких макровысказываний. Иными словами, на уровнях (6) и (7) происходит конструирования нарратива. Эко отталкивается от достаточно гибких критериев нарративности, полагая, что «достаточно, чтобы был некий деятель (неважно – человеческое существо или какое-либо иное), чтобы было начальное состояние, затем – ряд изменений, следующих друг за другом во времени и имеющих некие (не всегда четко определенные) причины, а также – конечный (хотя бы временный, преходящий) результат» [3, 59].

На уровне (6) осуществляется нарративизация входящего текста, «сведение» сюжета как структуры дискурса к ряду нарративных *функций*, стандартных *тем* и *мотивов*. Под *повествовательными структурами* понимаются составляющие фабулу макровысказывания, конструируемые в результате последовательных процедур абстрагирования (операций аналитического перефразирования).

Поскольку фабула разворачивается как пошаговые изменения во времени, интерпретатор по ходу чтения вынужден строить догадки о том, что может произойти на следующем шаге, т. е. подвергать каждый из значимых компонентов фабулы «промежуточным экстенциональным операциям». Соответственно, на уровне (7) обобщены процедуры вписывания макровысказываний фабулы в положение вещей в некоем возможном (гипотетическом, предсказываемом) мире. Предсказания подобного рода ставят читателя перед *развилкой вероятностей* (подтверждением или опровержением в дальнейшем тексте его догадки о возможном ходе событий) и используют в качестве источника энциклопедию *интертекстуальных фреймов*. Для актуализации этих фреймов читатель, по мнению Эко, должен «прогуляться» <...> за пределы текста – в поисках интертекстуальной поддержки (<...>аналогичных топосов, тем или мотивов)», т. е. осуществить *инференциальные прогулки* (вылазки) [3, 63].

Фабула – это тот уровень житнетекста, с которым традиционно работает нарративная психология – уровень повествования о жизни (life-story). И именно к нему оказываются применимыми критерии открытости \ закрытости, жанровости, сюжетности, развернутости, согласованности и т. п.

Как мы уже отмечали, сравнивая нарратив и топик, этот уровень (именно в силу своей укорененности в операции абстрагирования) более

дистанцирован от непосредственной ситуации жизни (переживания) и более подвержен «поправкам» – суггестивному давлению различного рода правил организации повествовательного текста, главные из которых могут быть сведены к ценностным оппозициям, т. е. уровню *элементарных идеологических структур* (9) и эталонам мироструктуры (10).

Таким образом, нарративизация может быть соотнесена с переводом входящего текста в полученное сообщение, причем текст, власть которого осуществляется в таком переводе, тяготеет к «невидимости» для интерпретатора, как тяготеет к ней сама заангажированность. В результате нарратив (полученное сообщение) работает как разворачивание актуальной текстуальной конструкции жизни (ее воплощение и подтверждение), и в зависимости от изначальной центрированности последней, может оказываться в большей или меньшей степени смыслооткрывающим или репродуктивным, открытым или закрытым для последующих переконфигураций, вести к дифференциации либо радикализации текстуальной организации жизни.

Три верхних уровня: *элементарных идеологических структур актантных структур* (9), *мироструктуры* (10) и *актантных структур* (8) образуют кольцевую связь, однонаправленность которой нарушается лишь возможностью двустороннего перехода между блоком (9) и блоком (8).

Актантные роли (8), по Эко, это чисто формальные позиции, к которым сводится нарративная структура посредством дальнейшего абстрагирования, они манифестируются на более низких уровнях в виде акториальных (actorial) структур, т. е. структур, образуемых действующими лицами (actors) [3, 71]. В случае интерпретации житнетекста такими ролями, в первую очередь, будут роли отправителя и адресата в рамках общей структуры жизни как коммуникации. В связи с последним, применительно к процессу текстуального жизнеконструирования уровень актантных структур (8) будет связан с уровнем *обстоятельств высказывания* (2), где ролевые диспозиции манифестируются в модальности выражения. Актуализация этого уровня знаменует собой переход от считывания пропозиции выражения к *ответу* на его *модальность*, т. е. выводит текст из практики интерпретации, чтения, актуализации смысла и редуцирует его до инструмента решения референциальной задачи.

«Переход на личности», который наблюдается на уровне *актантных структур* (8) является «интенциональным отзвуком» [3, 73] происходящего на уровне *мироструктуры* (10), на что указывает соответствующая односторонняя связь. Последний объединяет операции обратные *уровню взятых* в скобки *экстеншенционалов* (5) – это уровень

недоверия и критической сверки мира опыта интерпретатора с миром, предлагаемым в тексте (как он его уже на этот момент понял, т. е. окончил понимать) и с мирами, приписываемыми отправителю и прочим актантам с последующим вынесением оценки их правдоподобности \ искренности.

Отвержение – принятие мира читаемого текста, и, соответственно расширение на него – замыкание от него семантического пространства жизни, «собирается» из более частных аксиологических оппозиций. Эко приводит здесь такие примеры, как «Хорошее – Плохое, Положительное – Отрицательное, Истинное – Ложное и даже (a la Греймас) Жизнь – Смерть, Природа – Культура» [3, 73]. Но на их место можно с легкостью подставить любую пару: Открытость-Закрытость, Марья Петровна – Петр Иванович, Windows – Linux. Мы помним, что оппозиции считанной \ приписанной идеологии текста (уровень *элементарных идеологических структур* (9)) предопределены энциклопедией *идеологических гиперкодов* – эти оппозиции и переводятся в термины истинностных значений на уровне (10), приобретая значения правил организации текстуальной конструкции жизни. В целом блоки *актантных структур* (8), *элементарных идеологических структур* (9) и *мироструктур* (10) нагружают на себя функцию прерывания семиозиса, которая начинает разворачиваться еще на стадии фиксации нарративной структуры (7) и определяют точку выхода интерпретатора из диалога.

Выводы. Подводя итог разговора об уровнях интерпретации как коммуникационных практиках текстуального жизнеконструирования, мы можем резюмировать следующее. Конфигурирование текстуальной конструкции жизни разворачивается как варьирование смысловых связей вследствие столкновения входящего текста жизни с текстами наличной мироструктуры интерпретатора. Последние презентованы разными уровнями организации языка от текстов-определений до текстов-мироструктур. Интерпретация как коммуникационная практика объединяет процедуры актуализации и трансформации соответствующих текстов – их репродукции и реконструкции и, соответственно, представлена операциями открывающими семантические экспликации и прерывающими семиозис. В зависимости от подчинённости интерпретационных процедур власти наличной мироструктуры, их последовательность может разворачиваться как практика текстуального жизнеконструирования в большей или меньшей степени открытая конфигурированию нового смысла. В силу своей непосредственной связи с организацией житнетекста предложенные к рассмотрению уровни интерпретации предоставляют широкие возможности для его эмпирического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Людвиг Логико-философский трактат (с параллельными комментариями В. Руднева) / Л. Витгенштейн // Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
2. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Серл. – М., 2004. С. 23-34.
3. Эко У. Роль читателя. Исследование по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.
4. Eco Umberto A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press., 1976. – 354 p.
5. Petofi Janos S. A Frame for FRAMES // Proceedings of the 2nd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society (1976), pp. 319-329.